

“ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕКСТ” И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ
В КОНТЕКСТЕ НЕЗАВИСИМОЙ КУЛЬТУРЫ 1970-Х ГОДОВ
(СЕМИНАРЫ, САМИЗДАТ И ПОЭЗИЯ)

М а р к о С а б б а т и н и

*островной Ленинград – лошадиный скелет
Петербурга тонет в луже уездной
(В. Кривулин)*

Философские поиски экзистенциализма – один из наиболее показательных признаков независимой культурной жизни Ленинграда 1970-х годов, связанный с приемами абсурда и сюрреализма. Многие ленинградские писатели старшего и молодого поколения размышляли о философии экзистенциалистического абсурда, продолжая традицию обэриутов и в более широком смысле принимая отчужденность человека от повседневной жизни города. Прежде чем анализировать это явление в литературе, необходимо понять сущность независимой среды и “экзистенциальный” контекст, в котором развивался общекультурный диалог в рамках определенного десятилетия, потому что, как и любая другая эпоха, 1970-е годы в Ленинграде имеют свой “текст” и “язык”.

Мифологический облик петербургского текста укрепился после событий революции 1917 года, и на протяжении всего советского периода происходило увеличение семантических оппозиций. Получив новое имя, город не утратил сущность своей природно-культурной личности, однако переименование Петербурга в Ленинград свидетельствует о существенном преобразовании пределов его хронотопа. Этот процесс расширения касается, прежде всего, словесных символов, которые на историческом фоне идеологического конфликта XX-го века оправдали само переключение “петербургского текста” на “ленинградский”.¹

¹ Парадоксальное восприятие действительности в сверткестуальном пространстве Петербурга оправдано самим диспутом об использовании семантиче-

Присутствие неотделимой дихотомической реальности передается, например, аллегорией царской огады Зимнего дворца, перенесенной в “Сад 9-го января”, которая описана поэтом В. Кривулиным в стихотворении “Здесь пыльный сад похож на документы...”²

Здесь пыльный сад похож на документы,
скрепленные печатью. И в саду
печально так... Я выйду. Я пройду
вдоль перержавленной огады:
в каком-то пятилеточном году
перенесенная зачем-то
от Зимнего дворца в рабочью слободу,
из Петербурга в сердце Ленинграда,
она дошла до степени такой
убожества и запустенья,
что рядом с нею воздух заводской
как мимолетное виденье,
как гений чистой красоты...
(весна 1987)

В. Кривулин иронически завершает свой нерегулярный сонет пушкинской цитатой, подчеркивая сдвиг в тексте исторических, литературных и мифологических элементов. Это стихотворение представляет собой только один из многих примеров отражения Ленинграда в произведениях неофициальных писателей. Независимо от того, нравилось ли им название “Ленинград” и каково было их отношение к принципам соцреализма, можно сказать, что “ленинградский текст” являлся одним из центральных мотивов в их творчестве.

На фоне бинарной оппозиции именованя города сталкивались разные культурные течения, и в контексте подпольной литературы развивался плодотворный интеллектуальный дискурс. Специфика этой литературы, очевидно, в том, что она создавалась в советский период, в условиях тоталитарного государства. Ленинградская модель культуры середины 50-х-

ских, этимологических и идеологических оппозиций в наименовании города (Петербург > < Ленин – град). См.: Топоров В. Н. Петербургский текст. “Природно-культурный синтез”. Сфера смыслов // Петербургский текст русской литературы. СПб. Искусство-СПб. 2003, с. 28-29. Ср.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Часть вторая. // Семиосфера. СПб. Искусство-СПб. 2000, с. 333. Для Лотмана, борьба между Петербургом – художественным текстом и Петербургом – метаязыком наполняет всю семиотическую историю города.

² Кривулин В., Стихи. В 2-х тт. Париж. Беседа. 1988. Т. 2, с. 143.

конца 80-х годов XX века сыграла противоречивую роль: с одной стороны, она представляла собой попытку преобразования соцреалистического образца идеологии и эстетики, а с другой, параллельно, завершился распад самой модели. Искусство могло быть только официальным, подцензурным. Однако стало очевидно, что после смерти Сталина, “террор” цензуры не мог контролировать все процессы в литературе.

Неофициальная культурная среда в Ленинграде окончательно сформировалась во второй половине XX века, но осознала себя как единое движение только в 1970-е годы, когда стало ясное антитетическое положение официальной и неофициальной действительности и проявилась борьба свободного слова с властью.³ Сознание неконформистского движения освобождалось от мифологии советской партийной пропаганды, включавшей в себя ангажированные литературу, искусство и науку. Процесс освобождения способствовал приходу в литературу нового поколения авторов, у большинства из которых появилось идеологическое безразличие, и было ясно, что полная свобода слова и творчества возможна только вне контролируемых властью государственных структур.⁴ Вопреки такому общему взгляду, неконформистская среда всегда была сообществом непохожих друг на друга людей, которые придерживались разных взглядов по многим вопросам литературной и общественной жизни. По этим причинам можно утверждать, что ленинградские *семидесятники* в те годы являлись рефлексией культурной неоднородности в советском обществе. В системе культуры это поколение независимых литераторов и художников представляет собой характерный пример того обязательного наличия разных видов искусств, в котором подчеркивается общность между языками одной исторической эпохи.

³ По словам Ю. Лотмана: “борьба поэта и цензуры – это столкновение двух начал, каждое из которых может обходиться без другого и даже заинтересовано в полном его уничтожении”. Лотман Ю. М. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста // История и типология русской культуры. СПб. Искусство-СПб. 2002, с. 194.

⁴ Стратановский С. Семидесятые – преодоление страха // “Пчела” 1998. № 12. <http://www.pchela.ru/podshiv/12/overcoming.htm> «“Вторая культура” осознала себя как таковую именно в семидесятые. А происходило это на достаточно мрачном фоне, доминантой которого был страх. Был он, конечно, не таким сильным, как в сталинское время, но все-таки был. Помню, что где-то в начале семидесятых слух о том, что меня опубликовали на Западе, совсем меня не обрадовал. Наоборот: возникло что-то вроде мании преследования, я ждал, что затаившийся зверь прыгнет. Потом страх “отпустил”, но полностью не исчез, рецидив его был даже в начале “перестройки”».

Порвав с государственными научными и культурными учреждениями, писатели, поэты, философы, критики, искусствоведы все чаще становились библиографами, дворниками, кочегарами, сторожами и т. д. Низкий социальный статус предоставлял свободу для творческой и интеллектуальной деятельности.

Для реализации свободы искусства независимое культурное движение приобрело устойчивые формы: в городе проводились квартирные чтения и выставки, работали семинары и студии, все более широкое распространение получал самиздат. Диалог с иностранными литературами стал постоянным; аналогичным образом исследовать эволюцию многих запрещенных и забытых тенденций в русской литературе и мысли стало необходимым занятием. Пересмотр культурного внешнего контекста и текстов новым и более широким критическим взглядом создал собственное лицо независимой литературы Ленинграда.⁵

Анализ подобного явления позволяет понять сложную природу ленинградского текста и контекста, на сцене которых идет последний акт литературоцентрической перспективы русской культуры. Произведения, критика и переводы в самиздате экзистенциально значимы для понимания внутрилитературного диалога и текстоморфной сущности независимой культуры. Во второй половине 1970-х годов самиздат объединял неофициальный, отчужденный мир творческих личностей и групп и способствовал параллельному и альтернативному восприятию текстов. Неофициальные литераторы видели свои произведения на самиздатских страницах отдельных сборников и узнавали друг друга именно через толстые самиздатские журналы. Можно утверждать, что именно на уровне ленинградских семинаров и самиздата вырабатывались те культурные образы и сохранились те эволюционные процессы, которые гарантировали существование литературы на паритетных основаниях, где автор и читатель встречаются в тексте на фоне художественных интересов и эстетических вкусов, вне всяких идеологических инстанций.⁶

⁵ Ср.: Шнейдерман Э., Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы // "Звезда" 1998. № 8, с. 194-200.

⁶ Семидесятые как предмет истории русской культуры // "Россия/Russia". Ред.-сост. К. Рогов. Москва-Венеция, 1 (9), 1998. «Следует различать характерный "Самсебяздат" (первоначальный термин Н. Глазкова) и "Самиздат": в первом случае тексты не имели реального "хождения", ограничиваясь узким кругом людей, вовлеченных в субкультуру художественного и литературного "подполья", эти тексты распространялись, но, как правило, не копировались их читателями, в отличие от "Самиздата", под которым следует, видимо, понимать ситуацию "целного" тиражирования текста».

В 1970-е годы менялись также места встреч и способы существования ленинградских литераторов и художников подполья: наряду со спонтанными встречами на Невском, на Малой Садовой, в кафе “Сайгон”, в литобъединениях, в библиотеках, во дворах университета и институтов все чаще организовались программные встречи в квартирах (часто в коммуналках) и в котельных, где работали многие неконформистские интеллектуалы.⁷ От домашних точек неофициальной культуры растекалась многоголосная карта подпольного Ленинграда. Квартиры К. Кузьминского на Красной улице, Юлии Вознесенской на Жуковской улице, Сергея Маслова на Кировской улице, Елены Шварц на Школьной улице, Сергея Стратановского около Обводного канала, В. Кривулина и Т. Горичевой на Курляндской улице стали привилегированными местами встреч для молодых писателей и художников.

Семинары являлись и примером объединения научных и литературных интересов: например, в 1968 году математиком Сергеем Масловым (сыном известного слависта Юрия Маслова) был основан “Семинар по общей теории систем”. Собрания начались на математико-механическом факультете ЛГУ и продолжались с 1972 по 1982 на улице Кировской, в квартире С. Маслова и его жены Нины. В течение всего десятилетия здесь встречались исследователи, ученые, интеллектуалы разного происхождения: у С. Маслова побывали Лидия Гинзбург, Вяч. Вс. Иванов, Е. Эткин, Б. Гройс, Р. Пименов, Н. Каверин (сын писателя), С. Левин, В. Иофе, Б. Останин, В. Долинин и др. В конце 1970-х годов в семинаре родилась идея создания машинописного реферативного журнала “Сумма” (1978-1982), одного из самых известных изданий позднего ленинградского и московского самиздата. Всего вышло восемь номеров журнала с 1978-го по 1982 год. Его издатели ставили перед собой сложную цель собирать информацию из разных источников тамиздата и самиздата и рецензировать ее.⁸ Именно этот журнал показал богатство и разнообразие неофициального культурного движения в Ленинграде и в Советском Союзе.⁹

⁷ Ср.: Кривулин В. Двадцать лет неофициальной поэзии (Предварительные заметки) // “Часы” № 22. Ленинград, октябрь-ноябрь 1979, с. 243 [самиздат]. См. так же: Савицкий С. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. Москва, НЛО, 2002, с. 45-46.

⁸ “СУММА”. За свободную мысль. СПб. Издательство журнала “Звезда”. 2002, с. 720. В эпиграфе на обложке первого номера написано: “скромная цель этого издания – способствовать ориентации в бурной и противоречивой духовной жизни нашей страны, нескромная искать пути к СИНТЕЗУ”.

⁹ В реферативном журнале “Сумма” нашли место более двадцати периодических публикаций, регулярно рецензированные, вместе с важными материалами и

Семинары были самые разные: литературные, филологические, философско-религиозные, научно-популярные, театральные, полупуштливые и т. п. В самом начале 1970-х годов было организовано несколько философско-религиозных и литературных семинаров; на них обращали внимание многие интеллектуалы, обновляя интерес к такому традиционному роду встреч и отношений.

Возрастающий интерес к вопросам философии и религии позволяет найти параллелизм с петербургской интеллигенцией начала XX-го века, когда религия представляла собой ключевой мотив и возник идеал свободного и индивидуального развития человека в обществе.¹⁰ Это возвращает нас к Серебряному веку, философско-религиозным собраниям З. Гиппиус и Д. Мережковского и собраниям символистов у Вячеслава Иванова, на "Башне". Поэты особенно заинтересовались философско-религиозной проблематикой; неслучайно первый семинар такого рода был организован молодым поэтом Сергеем Стратановским в 1970 году, в квартире отца, известного филолога-классика Георгия Стратановского. В доме поэта собирался маленький круг любителей древней философской литературы и русской религиозной философии.¹¹ Постоянными участниками в кружке Сергея Стратановского были Кирилл Бутырин, Александр Жидков, Николай Ильин, часто бывал и Евгений Пазухин, ставший одним из наиболее активных представителей самиздата в городе.¹²

Появлялись семинары, где обсуждались политические темы и вопросы о защите гражданских прав (такие, как собрания, организованные

новостями о культурных "подпольных" событиях. В журнале были опубликованы так же письма Андрея Сахарова. Ср: Левин С. "Сумма" с позиций слагаемого / Самиздат (По материалам конференции "30 лет независимой печати. 1950-80 гг.". С.-Петербург, 25-27 апреля 1992 г.). СПб. НИЦ Мемориал. 1993, с. 115-119.

¹⁰ Cf. Scherrer J. La ricerca filosofico-religiosa in Russia all'inizio del XX secolo // Storia della letteratura russa. Il Novecento. Vol. III. Torino, Einaudi, 1991, p. 201.

¹¹ Стратановский С. Семидесятые - преодоление страха. «Русской философией мы стали заниматься не сразу, а сначала изучали диалоги Платона. Вскоре мы узнали, что в Ленинграде есть еще один философский кружок – Татьяны Горичевой и Бориса Гройса, с несколько иной, более "западной" ориентацией. Мы познакомились с ними и пригласили к себе, но потом что-то "расклеилось».

¹² Евгений Пазухин вспоминает о структуре собраний: «занятия делились на две части: "официальную" и "деловую". "Официальная" состояла из докладов, "деловая" же, несколько отличаясь от "официальной" по форме, по существу являлась ее органическим продолжением». См: Пазухин Е. Русская религиозная философия в подполье // "Преображение". Религиозно-философский альманах. Вып. 1. СПб. 1992, с. 16-24.

К. Ивановым, С. Желудковым и А. Ваневым), или где религиозная коннотация превосходила любые другие интересы (как, например в межгородском философско-религиозном семинаре В. Пореша и А. Огородникова).¹³

Многие собрания зарождались на фоне юбилеев известных в обществе, но запрещенных властями поэтов, как, например, Николай Гумилев, в честь которого были организованы “Гумилевские чтения”. Первое собрание состоялось 15 апреля 1976 года в квартире Олега Охупкина и далее ежегодно до 1983 года проводилось в доме историка литературы Ивана Мартынова.¹⁴ Интерес к поэзии в независимой культуре являлся первостепенным, и именно поэты оказались ближе всех к борьбе с официальной системой культуры. Когда в 1975 году издательством “Советский писатель” был отклонен поэтический сборник тридцати двух неофициальных поэтов “Лепта”, стало ясно, что это означает отказ от признания существования независимой литературы. Важно отметить, что составители “Лепты” впервые выступили в защиту прав не отдельной литературной группы, а всей не допущенной к печати по идеологическим или эстетическим причинам литературы. Это явилось окончательным разрывом независимых поэтов с официозом; после этого события стали появляться самиздатские периодические журналы и еще большее значение приобрели разнообразные семинары.

Гетерогенность семинаров была подтверждена экстравагантностью и театральностью собраний у Елены Шварц на Школьной улице, 8, где с 1975 по 1982 год проходили встречи “Шимпозиума” (Обезьянье общество).¹⁵ В самом названии общества “Шим-п-озиум” – предсказанная полусерьезная атмосфера вечеров и юмористическая направленность общества.¹⁶ Е. Шварц вспоминает о семинаре: “В нашем обществе все на-

¹³ Материалы философско-религиозного семинара были опубликованы в ленинградских журналах “Бюллетене” в 1977 и “Община” в 1978-м году. Ср.: Пореш В. “Община” – Журнал христианского семинара // Самиздат, СПб. НИЦ “Мемориал”. 1993, с. 94-100. См. так же: Предисловие к журналу “Община”. Там же, с. 131-133.

¹⁴ Ср.: Гумилевские чтения. “Wiener Slawistischer Almanach”. Bd. 9, 1982, 1984. Ср.: Самиздат Ленинграда. Литературная энциклопедия. Москва. НЛЮ. 2003, с. 401-402.

¹⁵ Ср. Интервью Марко Саббатини с Еленой Шварц. СПб. 3 марта 2003.

¹⁶ “Шимпозиум (Обезьянье общество)” // Самиздат Ленинграда. Литературная энциклопедия. Москва, НЛЮ. 2003, с. 465. “Участники (с указанием некоторых принятых на собраниях прозвищ): Т. Горичева (сестра Марикина), Б. Гройс (брат Хануман), В. Долинин (брат Лемур), Н. Ковалева, В. Кривулин (брат

звали себя только кличкой, к примеру: Чита, Кинг-Конг, Оранг и так далее. Собирались раз в две недели, постоянно приходили обезьян пять-шесть, но бывали и случайные. Меня звали сестра Шимп, – анзе отбрасывалось для красоты и лаконичности. Распивались каждый раз выдуманные напитки, тому, кто их придумывал, полагалась награда и почетный титул. [...] Перед тем, как их распить, все терпеливо слушали доклады, их было каждый раз два (и докладчика собственно два), один о каком-нибудь стихотворении, другой – о каком-нибудь дне в истории...”.¹⁷

Совсем другой семинар был создан Татьяной Горичевой в 1974-ом году. Т. Горичева в те годы была увлечена немецкой философией и особенно немецким и французским экзистенциализмом.¹⁸ Она вела интенсивную тайную переписку с Мартином Хайдеггером, который посылал ей даже свои последние стихи.¹⁹ По словам Б. Иванова, Т. Горичева была “признанным просветителем религиозно-литературной среды Петербурга”.²⁰ Она вышла замуж за Виктора Кривулина в 1975-ом году и вместе с ним и Львом Рудкевичем жила в маленькой квартире “37”, на Курляндской улице 20, около Балтийского вокзала, недалеко от Обводного канала. Здесь раз в две недели, по пятницам, проводились многолюдные встречи на религиозно-философском семинаре; в середине десятилетия эти неофициальные и открытые вечера стали главным культурным событием для многих независимых литераторов и молодых интеллектуалов. Публичность семинара и отсутствие в нем конспирации говорили о том, что новое поколение ленинградских интеллектуалов действительно стремилось преодолеть атмосферу цензурного террора. На семинаре читались доклады о христианстве первых веков и об Отцах Церкви (Григории Нисском, Григории Богослове, Кирилле Александрийском, Афанасии Великом),

Оранг), Б. Останин (брат Кинг-Конг), Е. Пазухин (брат Ленивец), А. Рогинский (брат Вега), Л. Рудкевич, Б. Улановская (сестра Уистити), Р. Цветов, Е. Шварц (сестра Шимп), Вл. Эрль (брат Долгопят) и др.”

¹⁷ Шварц Елена, “Обезьяньи прыжки” / Определение в дурную погоду. СПб. Пушкинский фонд. 1997, с. 86-87.

¹⁸ Goritcheva T., *Nous, convertis d'Union soviétique*. Paris. Nouvelle cité. 1983, p. 18: “Je lus Nietzsche à 19 ans (j'ai ignorée l'Évangélique jusqu'à 26 ans), je fus éprise de lui, comme de Sartre, de Camus et de Heidegger, de leur philosophie “existentielle”, de la révolte qui m'était très proche. A l'époque, dans les années de libéralisation sous Khrouchtchev, ces penseurs étaient en partie autorisés, leurs traductions circulaient en samizdat; dans les cafés et les autobus l'intelligentsia discutait du problème de l'existence absurde et nauséuse”.

¹⁹ Беседа Марко Саббатини с Татьяной Горичевой. СПб. 22 декабря 2002.

²⁰ Иванов Б., В бытность Петербурга Ленинградом // НЛЮ 1995. №14, с. 192.

проходили обсуждения библейских Писаний, гностицизма, экзистенциализма, русских философов (Флоренского, Бердяева, С. Булгакова, Розанова, В. Соловьева); было несколько докладов, посвященных западным философам – Ясперсу, Кьеркегору, Барту, Тиллиху, Хайдеггеру, Камю, Русселю и т. д.²¹

Параллельно с семинаром Т. Горичевой какое-то время существовал еженедельный филологический семинар “Культура начала века и современное сознание”, основанным В. Кривулиным осенью 1975 года. Он проходил по средам, в квартире 37, но продолжал только полгода. Интересно отметить, что В. Кривулин читал в основном доклады о малоизвестных и малоизученных авторах – П. Анненкове, А. Добролюбове, В. Комаровском, С. Надсоне, К. Случевском. После семинаров гости оставались выпить, поболтать, пошуметь и спать до утра в дымной атмосфере бывшей мастерской № 37. Сергей Стратановский отразил в одном из стихотворений “метафизические ощущения” утреннего похмелья после семинаров в квартире у Кривулина и Горичевой.

Мастерская поэта

Утром поргвейн, губы вяжущий
 утварь в стекле помутилась
 Стулья и стол чуть бормочущие
 кошки мостами горбатятся
 Студень очей несияющих
 с хлебом черствым
 с богемной солью
 Об пол желает грохнутья
 посуда-самоубийца
 Стены едва бормочущие
 облиты ядом обойным
 Только углом и не больно
 чернеющим как метафизика
 О, написать бы на кошках
 кистью богемной “надежда”
 На потолке, на полу, на ложках

²¹ Стратановский С. Семидесятые - преодоление страха. “Идея семинара родилась в моих разговорах с Татьяной Горичевой. Первое его занятие было на Охте, на квартире Марины Недробовой, но очень скоро семинар прочно поселился на Курляндской 20, в квартире 37, где жили тогда только что поженившиеся Кривулин и Горичева. Квартира 37 находилась во дворе, на первом этаже, кажется, это была чья-то мастерская”.

Краской звеняще-багровой
Краской залива восхода (1975).²²

Похмельное описание комнаты соответствует богемному быту в атмосфере ленинградских поэтических компаний. По словам Е. Вензеля, среди молодых интеллигентов города пьянство было определенным *modus essendi* и ответом на реалии советской жизни.²³ Петербургская символика в этом стихотворении тоже имеет свое текстуальное место, переданное в последней строке живописным описанием квартиры через цветное и светлое включение “восхода залива”.

Весной 1976 года, когда квартира 37 оказалась в поле зрения милиции, В. Кривулин был вынужден прекратить занятия филологического семинара под давлением КГБ.²⁴ Семинар Т. Горичевой переместился в квартиры Долинина, Цветова, Большова и Пазухина. В это время состоялись межконфессиональные конференции “Христианство и этика” и “Христианство и гуманизм”, и этим подтверждалось, что одна из главных целей семинара была именно установление диалога между разными культурами и религиями. Здесь встречались православные, баптисты, католики, кришнаиты, гностики и агностики. Несмотря на это, в конце 1970-х годов Татьяна Горичева перешла на более ортодоксальные позиции православия, и в 1980 году ее Религиозно-философский семинар прекратил существование.

Как уже было сказано, запрет выпуска антологии “Лепта” и неудавшаяся попытка легализации неофициальной поэзии ускорила появление свободных от цензуры самиздатских журналов, потребность в которых стала остро ощущаться. Отказ от публикации в официальных изданиях оставался одним из главных признаков свободы текста в независимой культуре Ленинграда, тем более после того, как эта литературная куль-

²² Стратановский С. Стихи. СПб. Ассоциация новая литература. 1993, с. 27.

²³ Вензель Е. Ленинград 70-х: пьянство как *modus essendi* // “Пчела” 1998. №12. www.pchela.ru “Можно сказать, что пьянство в силу своих возможностей в какой-то мере служило объединению той части молодой беспризорной интеллигенции, которая не занимала ясной политической и общественной позиции, не была ни диссидентствующей, ни поддерживающей официальные лозунги и стиль жизни, жившей более или менее уютно в безнадежности экзистенциального тупика. А привычное фрондирование, частью которого было пристрастие к алкоголю, свидетельствовало, скорее, как говорил Андрей Синявский, только об ‘эстетическом неприятии’ спокойного и затхлого брежневского режима”.

²⁴ Иванов Б. Узкая дорога к демократии. (Из книги “По ту сторону официальнойности”) // “Звезда” 2000. № 4, с. 214.

тура осознала себя как особую систему, вырабатывающую свои эстетические и идеологические принципы. Весной 1976 года в Ленинграде почти одновременно появилось два периодических издания, каждое из которых сыграло важную роль в развитии независимого движения и заняло заметное место в самиздате: литературно-художественный и религиозно-философский журнал В. Кривулина “37” и журнал Б. Иванова “Часы”.²⁵

Название журнала “37” соответствовало номеру квартиры на Курляндской улице, где жили главные редакторы, супруги В. Кривулин и Т. Горичева и где проводился уже упомянутый Религиозно-философский семинар.²⁶ Номер журнала (“37”) включил в себя ряд символических значений, его богатая семантическая аура в “петербургском тексте” отсылает то к сталинскому террору 1937 года, то к пушкинской дуэли 1837 года на Черной речке. По словам самого В. Кривулина, “в математике есть число Е, гармоническая постоянная. Оно обозначает возможность оптимального выбора. Единица, деленная на Е, – это 0,37...”.²⁷ Благодаря журналу “37”, культурная неофициальная среда Ленинграда имела большой резонанс в Советском Союзе и на Западе, расширяя границы свободного слова и мысли в условиях тоталитарного контроля. По словам редактора В. Кривулина, журнал “37” ставил своей целью “создание некоего языка, способного описать актуальное состояние культуры и исторического момента в России с точки зрения личности...”.²⁸ Копии “37” распространялись бесплатно в разных городах. У этого самиздатского издания было и литературное направление, но философские и богословские мотивы доминировали в главных разделах; правда, в течение всего пятилетнего существования, “37” менял свое направление, и это зависело от изменения состава редакции, особенно после отъезда Т. Горичевой в Париж в 1980-м году.²⁹

²⁵ Иванов Б. В бытность Петербурга Ленинградом, с. 192. По словам Иванова “характер самиздата резко изменился во второй половине семидесятых, сразу же после знаменитой бульдозерной выставки, всколыхнувшей творческую интеллигенцию и в Москве и в Петербурге”.

²⁶ Иванов Б. По ту сторону официальности, с. 84. “По моему мнению, инициативная группа составившая “Лепту”, могла бы стать готовой редколлекцией будущего издания. Но Господь распорядился иначе. Татьяна Горичева и Виктор Кривулин вступили в брак и решили начать издание журнала на семейной основе, о чем по долгое время меня не оповещали”.

²⁷ Кривулин В. “37”, “Северная почта” // Самиздат 1993, с. 77.

²⁸ Там же, с. 74-75.

²⁹ Радикальная попытка обновить журнал произошла, когда вышли последние три номера (19, 20, 21), которые делались уже новыми силами Б. Гройса, Л.

В конце 1970-х годов Виктор Кривулин, параллельно с журналом “37”, по предложению Сергея Дедюлина, стал соредактором поэтического журнала “Северная почта”. Наличие подобного издания подтверждало важность поэзии в ленинградском контексте независимой культуры. Вышло восемь номеров журнала, в которых нашли место тексты, критика, рецензии и материалы по русской поэзии XX века. На страницах “Северной почты” публиковались совсем молодые и неизвестные поэты наряду со знаменитыми авторами независимой петербургской традиции: О. Мандельштамом, Н. Заболоцким, А. Ахматовой, В. Набоковым, И. Бродским, Д. Бобышевым, Вл. Эрлем, Еленой Шварц, В. Кривулиным, С. Стратановским, Т. Буковской, О. Охупкиным, А. Мироновым, Ю. Кублановским и др. Главным инициатором публикации был Сергей Дедюлин, и фактически он один, очень пунктуально и изящно, издавал журнал. С. Дедюлин, однако, не мог указать своего имени в “Северной почте” из-за конфликтного отношения с сотрудниками КГБ, которые уже тогда изъяли у него сравнительно много книг и рукописей. Будучи главным редактором, В. Кривулин давал советы и оценки издательским предложениям С. Дедюлина.³⁰ Из-за давления КГБ на В. Кривулина и почти одновременного отъезда Т. Горичевой и С. Дедюлина, весной 1981-го года прекратился выпуск журналов “37” и “Северная почта”.³¹

Журнал “Часы”, основанный Борисом Ивановым в 1976-ом году, наоборот продолжал выходить до 1990-го года, и в итоге было выпущено восемьдесят номеров. Идея журнала родилась, как в случае с “37”, как ответ официальной культуре и власти после запрета выпуска антологии “Лепта”. Главная цель Бориса Иванова была в создании нормальных условий для самиздатской публикации неофициальных писателей. Этими условиями были регулярность выпусков и длительное существование журнала.³² Главные особенности журнала “Часы” – периодичность и открытость всем желающим увидеть свои произведения опубликованными в самиздате. По словам Б. Иванова, “людям нужны лишь те “Часы”, которые “ходят”. [...] Часы, считал я, должны были стать изданием культурного движения в целом, отражать естественным образом естественный

Жмудя и С. Тахтаджана. Члены первой редколлегии Л. Рудкевич, Н. Кононова тоже эмигрировали в это время.

³⁰ Интервью Марко Саббатини с Сергеем Дедюлиным. Рим 11 октября 2003.

³¹ Выпуск журнала “Северная почта” был прекращен, когда С. Дедюлин был вынужден уехать из Советского союза 1 марта 1981 года.

³² Иванов Б. По ту сторону официальности, с. 85.

ход литературного процесса...”.³³ Объем каждого номера – около трехсот страниц, в которые включены разделы поэзии, прозы, переводов, критики и искусства.³⁴ По инициативе редакции журнала, где вместе с Б. Ивановым сотрудничали Борис Останин и Юрий Новиков, в 1978-ом году родилась идея вручения премии “Андрея Белого”, первой независимой литературной премии в Советском Союзе. По инициативе все той же редколлегии “Часы” в 1977-ом и 1979-ом годах были организованы конференции культурного ленинградского движения. Наличие этой инициативы подтверждает то, что редакция “Часы” сыграла большую роль и в плане общения с разными группами, и в плане объединения отдельных литературных явлений.

Сам факт существования “37” и “Часов”, журналов культурного ленинградского движения, указывал на демократизацию и внутренний плюрализм, которые были невозможны в контексте официоза.³⁵ Естественно, между этими изданиями существовала конкуренция, но острое соперничество редакторов не исключало взаимоуважения. Если для В. Кривулина было важно сохранить какое-то определенное философско-литературное направление, то Борис Иванов видел главную задачу “Часов” в “собрание грибов”. Как он сам уточнил несколько позже, “составитель журнала не должен ‘заказывать’ материалы, не должен делать журнал направленческим, не должен подгонять произведения путем редактирования к какому-то воображаемому эталону. Он должен действовать так, как сборщик грибов, который не сеет, не поливает, а собирает среди них хорошие”.³⁶

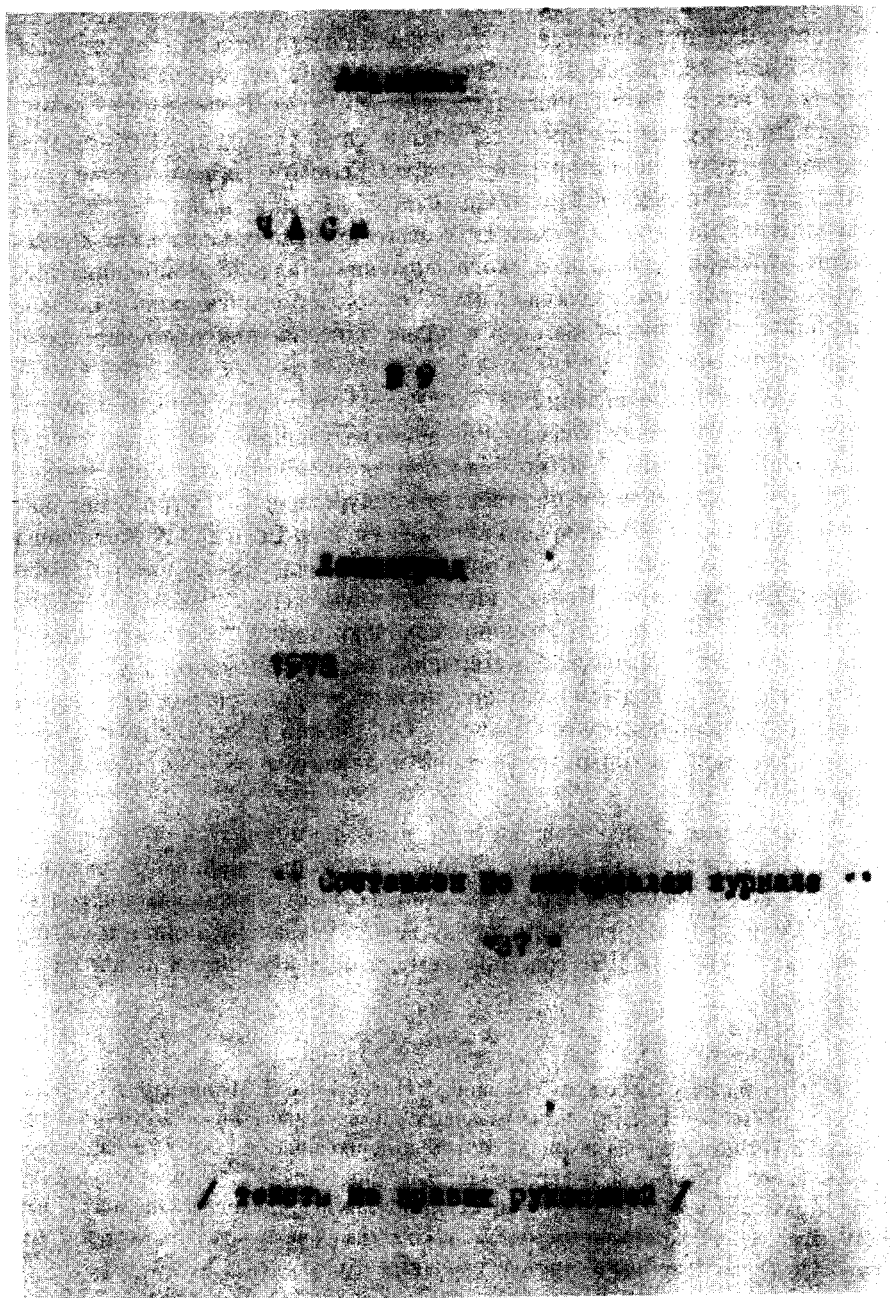
В истории этих двух изданий было несколько попыток объединения, особенно в первые два года, но, видимо, редакторы слишком по-разному смотрели на способы и методы совместного существования в одной редакции. В. Кривулин так вспоминал одну из тех неудачных попыток сотрудничества: “Это был 1978 год, по-моему, вторая или третья попытка

³³ Там же, с. 84-85.

³⁴ “Стремился к свободе публикации...” Интервью с Б. Ивановым // “Пчела” 1998. № 12 (www.pchela.ru). “Мне удалось с самого начала довольно точно определить основные разделы журнала, объем и периодичность. Эти три параметра были с самого начала и до самого конца. Это – примерно 300 страниц, раз в 2 месяца и разделы: проза, поэзия, политика и обязательно перевод. Оказалось, что есть переводчики, которые переводили, даже когда их не печатали, просто потому, что были заинтересованы в переводе прочитанного”.

³⁵ См.: Шубинский В. В эпоху поздней бронзы // НЛО 2001. № 51

³⁶ Ср.: Иванов Б. По ту сторону официальности, с. 84-85.

Обложка альманаха "Часы". Ленинград 1978 № 9

СОДЕРЖАНИЕ

проза:

- И. Козырев, Девочка перед дверью / повести / 1
Александр Мироненко, Рифа 20

повести:

- Александр Мироненко 100
Вячеслав Шурин, Ответственность и поэма 118
Сергей Стрелковский, Избранные стихи и поэма 151

краткие:

- В. Акимов, Тайна русской души спасов белый экран, Мученик Андрей и Антоний 168

философия:

- Г. Горюнов, "Нравственное критическое" в философии 194
В. Давыдов, Не функционалистическая переписка 218

поэзия:

- Виктор Колтушев, Полдня дамой в одиннадцать строк 26

переводы:

- Юлиана Борков, Вавилонская библиотека 6
Сад с раздвоенными дорожками 28
Мартин Хайдеггер, феноменология и теология / перевод с немецкого Г. Горюнов / 38

Содержание альманаха "Часы". Ленинград 1978 № 9
(по материалам журнала "37")

объединения. Мы составили общий номер, и возникла проблема названия. О названии мы не смогли договориться. Названия не было. [...] Дело заключалось, видимо, в том, что “37” и “Часы” представляли собой различные типы изданий”.³⁷ В памяти самиздата остались признаки сближения этих двух журналов. Девятый номер “Часы” (тогда он был еще альманахом) в 1978-м году был выпущен на основе материалов “37”, как указано на обложке.³⁸

Первый из шести разделов девятого номера альманаха посвящен прозе. В него включены повесть М. Козыревой и экспериментальный рассказ *Pietà* молодого автора А. Миронова. Во втором разделе, посвященном поэзии, выделяются стихи трех известных неофициальных поэтов Ленинграда: Сергея Стратановского, Елены Шварц и вновь Александра Миронова. Разделы критики и философии направлены на религиозные мотивы; следует отметить, что подобный раздел существовал и в журнале “Часы”, где не только перепечатывались статьи из журнала “37”, но и публиковались оригинальные материалы, например, статья Бориса Иванова “Экзистенциализм?... Мимо!”, посвященная критическому анализу русской философской мысли, работа Николая Симакова “О христианском смысле истории”, статья Евгения Пазухина “Христианство и пол в творчестве В. В. Розанова” и т. д.³⁹

В девятом номере особый интерес вызывает статья Т. Горичевой “Анонимное христианство в философии”, в которой обсуждается принцип “анонимности”, очень актуальный и использованный неофициальными литераторами в маргинальном состоянии. Стоит отметить, например, что в 1975-м году Виктор Кривулин опубликовал свои стихи (благодаря В. Бетаки) в тамиздатском журнале “Грани”, без подписи и безо всякого псевдонима, а просто в качестве “анонимного поэта”.⁴⁰ “Анонимность” – также философская концепция экзистенциализма, имеющая и особое представление в бытовании независимой культурной жизни Ленинграда, где большинству авторов путь к успеху и знаменитости был закрыт.

В разделе философии девятого номера “Часов” обращает на себя внимание своеобразная и сложная “феноменологическая переписка” между

³⁷ Кривулин В. “37”, “Северная почта”, с. 74-75.

³⁸ Подобная ситуация повторилась в 1980 году, когда “Часы” выпускали номер на основе избранных материалов самиздатского журнала “Обводный канал” К. Бугырина и С. Стратановского.

³⁹ См.: “Стремился к свободе публикации...”. Интервью с Б. Ивановым // “Пчела” 1998. № 12 (www.pchela.ru).

⁴⁰ Бетаки В. Стихи анонимного поэта // “Грани” 1975. № 97, с. 137-142.

Б. Иноземцевым (псевдоним философа Бориса Гройса) и Т. Горичевой; в самиздате этот жанр являлся довольно распространенным способом общения интеллектуалов. В разделе поэтики выделяется необычная экспериментальная работа Виктора Кривулина “Полдня длиной одиннадцать строк”; но то, что обогащает и дает особую перспективу данному номеру, это, безусловно, переводы Жоржа-Луи Борхеса и Мартина Хайдеггера.⁴¹

Раздел литературных и философских переводов всегда играл важную роль в толстых самиздатских изданиях Ленинграда, в частности в “37” и “Часах”, и в 1980-е годы в журнале “Обводный канал”. Именно в 1970-е годы сформировался круг квалифицированных неофициальных переводчиков, по выбору которых восполнялись лакуны в читательском представлении об иностранной литературе. Это говорит о том, что действительно чувствовалась потребность и необходимость расширить знания, эстетические вкусы и диалог с мировой литературой и философией, которые часто запрещались советской цензурой. Преодолеть изоляцию, освоить опыт зарубежных текстов значило для ленинградских неконформистов определить свое место в международном культурном дискурсе современности.

Текст, указанный в содержании девятого номера журнала последним, “Феноменология и теология” Мартина Хайдеггера, переведенный с немецкого Т. Горичевой. Этот перевод подтверждает особое внимание к творчеству философа-экзистенциалиста и общий интерес независимой культуры Ленинграда к философии XX-го века, связанный с индивидуальной и коллективной судьбой современного человека.

В неофициальном сообществе интеллектуалов интерес к этой проблематике существовал начиная с 1960-х годов, когда экзистенциализм стал одним из главных направлений в философско-литературном диалоге. Мотивы экзистенциализма присутствовали во многих произведениях независимых авторов, особенно в сюжетах, касающихся “маленьких” героев в контексте ленинградской действительности.

Итак, понятие экзистенциального сознания выражается в том, что существовало в русской литературе уже давно и проявилось с особой остротой в рамках “петербургского текста”. В творчестве Ф. Тютчева,

⁴¹ “Мы считали нужным публиковать в журнале западные переводы. Их выбор не был ни случайным, ни произвольным. Мы обращались к ключевым артефактам современности. Например, вспоминается Борхес, впервые переведенный на русский язык Борисом Гройсом. Появление Борхеса дало возможность открыть целое направление – пост-авангардизм или пост-модерн, фактически неизвестно тогда в России”. Кривулин В. “37”, “Северная почта”, с. 77.

Ф. Достоевского, А. Белого и некоторых других, “экзистенциалистическое” начало касалось вечных, “проклятых” вопросов, связанных с переживанием роковых пределов человеческой природы. Интересно было бы проанализировать, почему в независимой литературе Ленинграда преимущественно молодое ее поколение обрекло себя на эти поиски экзистенциализма с особой страстью.

Для такого интереса к экзистенциализму, очевидно, существовали свои причины, уходящие в самый быт подпольного, независимого писателя, особенно тонко испытывавшего на себе “драматичность” своего положения в ленинградском хронотопе. В пограничном положении Ленинграда, автор мог выразить посторонность, заброшенность, одиночество советского “мыслящего” человека и почувствовать свое состояние “эмигранта” на родине.⁴² Следующее стихотворение Сергея Стратановского – эмблема такого положения антигероя, где “вечный мотив алкоголя” отделяет отчуждение индивидуальности от “тошноты” бытия и ведет жизнь в сторону абсурда.

Социологический трактат в стихах
о феномене алкоголизма

Мы чудесно спасемся пустот бытия!
И тоску, словно черствую булку
Алкогольным ртом жуя
Человек ползет по переулку
Трактуют всеми как свинья [...]
О ты, феномен отчужденья
Сизифо-жизнь, никчемный труд
Живут дома как наважденья
Каналы мутные текут
О Ленинград — земля пустая
И нелюбезная народу
Здесь мутят черти из Китая
В каналах медленную воду
Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг
Сосут вампирами пустыми
И ты сгибаешься под ними
Ничтожный человеко-мост... (1971).⁴³

⁴² Ср.: Савицкий С. Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. Москва. НЛО. 2002, с.149-158.

⁴³ Стратановский С. Стихи, с. 22-23.

Советский антигерой одновременно заблуждается в алкоголе и в пространстве петербургской классической символики (“каналы мутные текут”, “...земля пустая / И нелюбезная народу”, “Здесь мутят черти из Китая / В каналах медленную воду”). Здесь происходит смешение языковых знаков с реалиями ленинградского текста (“О Ленинград – земля пустая”, “Здесь Ленэнергии: Ленсвет, Ленгаз, Ленмозг”). Использование гибридизации лексики через приемы бюрократического советского языка – это типичный стиль Сергея Стратановского, так как необычные словосочетания (“Сизифо-жизнь”) представляют собой ясную интертекстуальную ссылку поэта на произведение Альбера Камю “Миф о Сизифе. Эссе об Абсурде”. В этом тексте французский писатель сформулировал основную проблематику экзистенциализма: тщетность бытия, самоубийство и абсурд в жизни. Отражение абсурда включено в язык Стратановского: “Ленмозг” – это, например, придуманное Стратановским слово, подчеркивающее метафору совпадения языковой метаморфозы. Синкретическое восприятие языковых средств показывает абсурдное и метонимическое соединение человека и города: “Ленмозг”/“человеко-мост” – эти слова напоминают литературные образы в прозе Кафки.⁴⁴

Стихи Стратановского показывают, что наряду с углублением восприятия духовной и религиозной тематики, поколение ленинградских семидесятников внесло откровенное игровое начало в поэзию, способное воспроизвести иронию и сарказм.⁴⁵ Часто перерабатывались творческие поиски поэтического языка, распространенные в традиции Серебряного века и ленинградского авангарда 1930-х годов, у обэриутов.

На фоне изолированного и “маргинального” положения города в языке поэзии 1970-х годов отражаются элементы, характеризующие “ленинградский текст”. В этом контексте продолжают литературные размышления о больном и искусственном положении города и об эсхатологи-

⁴⁴ В стихотворении Стратановского “Что же ты, головотель...” (1968), в последней строке появляется грамматический и лексический синкретизм “Насекомый человек”, где очевидно присутствует намек “Метаморфозу” Кафки. Можно найти в поэзии Стратановского несколько интертекстуальных элементов, касающихся литературы экзистенциализма: например, в стихотворение “В страхе и трепете” (1979), есть “библейская” ссылка к труду “Страх и трепет” датского философа Кьеркегора.

⁴⁵ По словам В. Кривулина, в контексте независимой культуры Ленинграда, сама “жизнь была пронизана религиозным абсурдом”. Кривулин В. Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950. 1980-е годы. Сборник статей. Сост. Б. Иванов. СПб. ДЕАН. 2000, с. 102.

ческой роли Петербурга в судьбе России, как, например, показано у Елены Шварц в “маленькой” поэме 1974-го года “Черная Пасха”.

[...] Мы ведь – где мы? – в России,
 Где от боли чернеют кусты,
 Где глаза у святых лучезарно пусты,
 Где лупцуют по праздникам баб...
 Не думала – не я одна, –
 Что Петербург, нам родина, - особая страна,
 Он – запад, вброшенный в восток,
 И окружен, и одинок,
 Чахоточный все простужался он,
 И в нем процентщицу убил Наполеон.
 Но рухнула духовная стена –
 Россия хлынула – дурна, темна, пьяна.
 Где ж родина? И поняла я вдруг:
 Давно Россиюею затоплен Петербург.⁴⁶

Рефлексия петербургского текста во “второй культурной действительности” Ленинграда выделялась через экзистенциальные особенности самой этой культуры. Маргинальность и неподцензурность становились сознательной установкой, императивом и признаком значимого текста, определяющим город как “другой” и как новое семиотическое место литературных событий.

Богатство интертекстуальности в литературно-философском диалоге независимых поэтов довершает развернутый мифопоэтический облик города через воплощение “нищего мифа Ленинграда” в классическом мифе Петербурга. Ленинградский текст существует в необходимом сопоставлении двойной реальности города и в борьбе его символов.

Пример этой связи и конфликта между текстом и культурным контекстом Ленинграда – стихотворение Сергея Стратановского “Геростраты”. Структурная композиция данного стихотворения создается определением отношений между подструктурами лексики и стилистики, столкновение которых производит умножение семантических разрывов. В тексте сочетаются лексика высокого стиля с просторечиями, вульгаризмами, городским жаргоном и советскими реалиями.

⁴⁶ “Черная Пасха” (1974) Шварц Елена. Сочинения в 2-х тт. СПб. Пушкинский фонд. 2002 (том. 2), с. 78.

Геростраты

А мы – Геростраты Геростратовичи

Мы – растратчики

мирового огня

Поджигатели складов сырья

И хранилищ плодоовощей

И вот со спичками идем

Осенней ночью, под дождем

Мы – разрушители вещей

Мы ищем страшного экстаза

А там, у жизни на краю

Живет она, овощебаза

За Черной речкой, с небом рядом

Как Афродита с толстым задом

Овощебаба во хмелю

О ней мы грезили в постели

И вот она на самом деле

И роща пушкинской дуэли

Сияет рядом с ней

И Стиксов греческих черней

Здесь речка Черная течет

Но тот, кто пел, был счастлив тот

Не умер тот и не умрет

Не для него, для нас течет

Забвений страшная вода

Осенней ночью, под дождем

Из жалкой жизни мы уйдем

Неведомо куда

Беги от ужаса забвений

Беги, как некогда Евгений

От бронзы скачущей по мусорной земле

Туда, где в слякоти и мгле

Лежит мочащаяся база

Пустые овощи для города храня

И как любовного экстаза

Ждет геростратова огня

А мы – порыв, а мы – угроза

Крадемся тихие как мышь

И словно огненная роза

Ты просияешь и сгоришь

Ведь мы – Геростраты Геростратовичи
 Расточители греческого первоогня
 Поджигатели складов сырья
 И овощехранилищ (1970-71).⁴⁷

Эти стихи могут выступать и в качестве примера всего культурного дискурса, и в качестве метонимического объекта, представляющего “ленинградский текст” как эволюцию “петербургского текста”.⁴⁸ Перекодирование петербургских текстов в стихотворении “Геростраты” происходит на разных уровнях через сдвиг и перемещение литературных образов исторических и мифологических персонажей в советской реалии жизни.

Пограничное и драматическое положение “маленького человека” в советской действительности отражается в гротескном описании реальности С. Стратановского. Ирония и пародийный тон выделяются также в переходе из одного в другой подтекст “петербургского текста”. Мотив пожара (эхо которого возвращается через блоковскую поэму “Двенадцать”) обращает на себя особое внимание; он противопоставлен петербургскому мотиву сырости, дождя и гниения.⁴⁹ Геростраты, идущие со спичками “осенней ночью под дождем”, представляют собой литературных антигероев революции.

Достаточно вспомнить знаменитые строки А. Блока из поэмы “Двенадцать”: “Гуляет ветер, порхает снег / Идут двенадцать человек. / Винтовки черные ремни, / Кругом – огни, огни, огни...”, чтобы почувствовать гротеск и абсурд в стихах Стратановского, где Геростраты идут со спичками, а не с винтовками и где объект пожара – овощебаза, убогий символ советской коллективизации. Параллелизм мотива огня подчеркивается и при сравнении строк из “Двенадцати” (“М и р о в о й п о ж а р раздуем, М и р о в о й п о ж а р в крови”) с началом стихотворения “Геростраты”, в котором создается впечатление, будто Стратановский отве-

⁴⁷ Стратановский С. Стихи, с. 21.

⁴⁸ Ср.: Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. СПб. Искусство-СПб. 2002, с. 161.

⁴⁹ Лотман Ю. М. Роль искусства в динамике культуры // История и типология русской культуры, с. 121. По словам Ю. Лотмана в петербургском тексте пожар это катастрофа, он “воспринимается как гибель, всеобщее разрушение, квинтэссенция деструкции и одновременно отождествляется с рождением, возрождением, преображением [...] Динамический процесс органический сливается с представлением о катастрофе, отсюда характерное и чуждое западной культуре отождествление движения и катастрофы, антитезой последней представляется лишь застой, неподвижность и болотное гниение”.

чает непосредственно А. Блоку: “А мы – Геростраты Геростратовичи/ Мы – растратчики мирового огня / Поджигатели складов сырья / И хранилищ плодоовощей...” Далее Сергей Стратановский описывает ощущение экзистенциальной маргинальности “коллективного” антигероя:

А там, у жизни на краю
Живет она, овощебаза
За Черной речкой, с небом рядом.

Овощебаза – это символ индивидуального и коллективного отчуждения в пространстве Ленинграда, за пределами петербургского текста, где миф города становится анти-мифом.

“Как Афродита с толстым задом/ Овощебаба во хмелю” – здесь происходит метаморфоза мифологического образа красоты (Афродита) в советский и плакатный образ баб-рабочих соцреализма: “о в о щ е б а б а”. Этот прием Сергея Стратановского является одновременно лексическим и метафорическим образом деформации реальности.⁵⁰ Овощная база – символ ленинградской повседневной уродливости – находится “за Черной речкой”, рядом с местом “пушкинской дуэли”. В середине текста палиндромическое начало стихов подчеркивает игровую природу стихотворения, на фоне литературного пространства пушкинской мифологии:

И Стиксов греческих черней
Здесь речка Черная течет
Но тот, кто пед, был счастлив тот
Не умер тот и не умрет
Не для него, для нас течет.

В тексте Стратановского Черная речка становится местом встречи мифа и анти-мифа, романтическим Петербургом и застойным Ленинградом, где вечная слава “великого поэта” Пушкина находится в контракте с жалким положением Геростратов, судьба которых жить в забвении водной природы города.⁵¹ (“Забвений страшная вода / Осенней ночью, под дождем / Из жалкой жизни мы уйдем”).

Интертекстуальная идентификация Евгения, героя пушкинского “Медного всадника”, с антигероями С. Стратановского подтверждает приведенный выше параллелизм. Если “Медный всадник” Пушкина – произ-

⁵⁰ См.: Успенский Б. Анатомия метафоры у Мандельштама // Избранные труды. Язык и культура. Т. 2, Москва. Школа “Языки русской культуры”. 1996

⁵¹ См.: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы, с. 29.

ведение, открывающее “петербургский текст”, то стихотворение “Геростраты” деконструирует его в экзистенциальной параллели современного Ленинграда, где судьба “маленького человека” находится еще под угрозой города-врага: “Беги от ужаса забвений / Беги, как некогда Евгений / От бронзы скачущей по мусорной земле / Туда, где в слякоти и мгле / Лежит мочающаяся база”. Здесь проявилась вся театральность петербургской пространственности.⁵² В стихах Стратановского трагедийное, пародийное и театральное начала смешаны в одном действии гротеска и абсурда. Поэт вкладывает в ритм и в сюжетно-тематический уровень стихов то, что Ю. Лотман определил как “борьбу” и “конфликт”, следовательно то специфическое понятие “борьбы” во внутренних противоречиях художественного текста.⁵³ Стратановский – поэт философско-иронического склада, поэтому типичный для него прием представлен в стихах контрастом несопоставимого.

Как указано в самом названии текста “Геростраты”, множественное число подчеркивает коллективную природу героев.⁵⁴ Герострат – имя исторического персонажа Древней Греции, который стал известен после того, как в 353 году до н. э. сжег храм Артемиды в Эфесе. Русификация имени через добавление омонимического отчества Геростратовичи представляет собой “коллективизацию” (анти)-героев Стратановского и противопоставление принципов известности и анонимности. В строке “А мы – Геростраты Геростратовичи” под словом “мы” поэт подразумевает маленьких людей советской эпохи, “мы” – анонимные поэты независимой ленинградской культуры.⁵⁵ Сам автор включен в повествование стихов, и это показано не совсем сознательным образом, через интертекстуальное совпадение и через определенный анаграмматический прием.

⁵² См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров, с. 328.

⁵³ Лотман Ю. М. О некоторых принципиальных трудностях в структурном описании текста // История и типология русской культуры, с. 194.

⁵⁴ См.: Фатеева Н. А. О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавия стихотворных произведений (на материале русской поэзии XX в.) // Поэтика и стилистика. 1988-1990. Москва. Наука. 1991, с. 108-124. Ср.: Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры, с. 161-162.

⁵⁵ Поэт Стратановский был не только представителем независимой культуры Ленинграда, но и членом советского общества, поэтому был втянут в нелитературный контекст советского быта, откуда он брал необходимые элементы для конфликта с символами “петербургского текста”.

А мы – Геростраты Геростратовичи
 Мы – ратчики
 мирового огня

Титул и *incipit* текста содержат анаграмматическое начало имени французского писателя “Сартр” и корень фамилии “Стратановский”. Во второй строке этот прием повторяется в слове “ратчики”: корень эпитета “ратчики” также является точной анаграммой фамилии философа-экзистенциалиста Сартра.⁵⁶ Дело, в том, что Сергей Стратановский написал “Геростратов” после прочтения рассказа Ж. П. Сартра “Герострат”, написанного во Франции в конце 1930-х годов и включенного в сборник “Стена” (1939 г.).⁵⁷

Из философско-литературного дискурса ленинградской эпохи в неофициальной среде Стратановский брал приемы, мифологемы, исторические и литературные образы, которые являются впечатляющим примером поэтического синкретизма. В серой, неподвижной ауре Ленинграда безнадежное спасение от забвения жизни отражено в экзистенциальных мотивах крайности и анонимности, через сюрреалистический жест Геростратов. Этот текст Стратановского показывает, насколько абсурдизм, сюрреализм, конкретизм и в какой-то степени примитивизм являются параллельными поэтическими приемами, которые прямо или косвенно исходят из общего ландшафта социально-психологического положения маргинальности и экзистенциалистического поиска молодых ленинградских авторов.

Геростраты Геростратовичи являются не только интертекстуальным, онтологическим, языковым симбиозом субъекта-автора-героя, где одновременно существуют “Мы”, “Я”, “Стратановский” и “Сартр”: тавтология имени “Герострат” в русской версии отсылает нас к мифологеме определенного типа героев в петербургском тексте. Акакий Акакиевич с его судьбой “маленького человека” в “Шинели” Николая Гоголя и Аполлон Аполлонович с его сюрреалистическим планом о теракте

⁵⁶ См.: Starobinski J. Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Paris. Gallimard. 1971.

⁵⁷ В рассказе Сартра “Герострат” через действия главного героя показан переход от негуманизма к сознательной антигуманистической агрессии. Поль Ильбер жалуется на то, что в своей жизни постоянно натькался на двери с надписью: “Если ты не гуманист, входа нет”. Он убивает случайного прохожего на бульваре, но затем, струсив, отдается в руки полиции. По мысли Сартра, абсурдность жизни подрывает корни гуманизма, но гуманизм будет продолжаться, несмотря на свою “бессмысленность”.

в “Петербурге” Андрея Белого вызывают ряд параллелей с (анти)героями Стратановского. Геростраты Геростратовичи, как Акакий Акакиевич, Аполлон Аполлонович или любой Иван Иванович символизируют зеркальное начало личности. В своем имени “жалкий” герой не столько подтверждает, сколько уничтожает себя в “чуждом” пространстве города.

Как сказано выше, западная художественная проза экзистенциализма немало повлияла на восприятие сознания этой философии среди ленинградских писателей 1970-х годов. Вместе с абсурдизмом, литературным эклектизмом и религиозным пафосом экзистенциализм представлял собой важный элемент, определяющий философское и эстетическое восприятие текстов в питерской неофициальной литературе позднесоветского времени.⁵⁸ Это синкретическое восприятие касалось в большей степени независимой поэзии, где ленинградский вариант петербургского текста нашел естественное пространство для полного художественного выражения.

⁵⁸ В 1970-е годы независимые ленинградские семинары и самиздат показали что освобождение культуры могло осуществляться через возвращение к литературной традиции начала века, и через восстановление связей с западным культурным процессом и с современной иностранной литературой. Семинары и самиздат представляли собой открытое поле для свободной мысли и слова и одновременно являлись плодотворным “подпольем” для русского поэтического языка современности.